

Христианские подвижники и почитаемые природные объекты: культурологический феномен сосуществования

С. Б. Чернецова

В традициях русского исихазма, многогранного и широко распространенного явления в религиозной жизни России XIV — XVII вв., нашла место практика духовного отшельничества, «отхода» в пустынные и труднодоступные для жизни места. Исихазм оказал мощнейшее влияние на развитие культуры Московской Руси. Христианские подвижники, выбравшие этот путь «умного делания», были сосредоточены на концентрации духовной энергии, многократном повторении «Иисусовой молитвы». Место для отшельнической жизни и подвига молитвы всегда выбиралось удаленное и малоприспособленное для жизни. Практически всегда в комплекс предметов духовной практики подвижника входили природные объекты.

Довольно часто такими объектами становились родники и источники, которые ещё при жизни подвижников приобретали широкую славу святых или лечебных. Широкую известность также получали камни, на которых молились (или спали) подвижники. Освященные молитвенным подвигом, они позднее становились предметом почитания христиан.

Вообще, почитаемые и легендарные камни были широко известны на христианском Востоке. В первую очередь в тех странах, которые имеют непосредственное отношение к библейской и новозаветной истории. Древнерусские паломники, побывавшие в Святой Земле, оставили нам необычайно любопытные в фольклорном и историческом отношении свидетельства¹. Безусловно, в России эти рассказы повлияли как на сам «народный» культ почитаемых камней, так и на интересный феномен взаимодействия православных святых и подвижников с валунами и прочими природными объектами.

Деревья, на которых подвижники помещали иконы и перед которыми совершали молитвы во время своего духовного уединения, также становились объектами особого почитания. Гораздо реже речь идет о фактах чудесного явления на деревьях чудотворных икон или крестов. Со многими из святых источников (родников) и почитаемых камней, сохранившихся до наших дней, связаны интересные обряды и предания. В силу того, что срок жизни любого дерева гораздо короче, чем у родников и камней, то о многих почитаемых деревьях мы знаем только из работ краеведов XIX в. Так, ещё в 1776 г. у Никольского погоста стояла древняя сосна, от которой к середине XIX в. остался лишь пень. Сосна росла на Сахотском болоте в том самом месте, где в начале XIV в.

в столпе света пастухам был явлен Животворящий Крест (Годеновский крест). А. А. Титов пишет, что «... теперь от них остались жалкие следы, но богомолки обдирают с этих пеньков частички коры и обгрызают «осколочки» самого дерева, как святыню. Употребляют их и как лекарство от зубной боли»².

Зачастую предметом религиозного почитания становились не просто одно дерево, родник или камень. Временами объекты были объединены в целый комплекс, при этом они усиливали и дополняли сакральную «силу» друг друга.

По отношению к таким объектам в отечественной науке уже два десятилетия используется термин - местные (деревенские) святыни³. Как показала практика, эта группа памятников характеризуется тем, что входящие в нее сакральные объекты не могут быть официально признаны церковной традицией, и почитание святынь всегда происходит за пределами храма. Духовенство, даже в случае своего участия в обрядах (например, совершения молебнов возле почитаемого источника), никогда не играет в нем решающей роли, а при попытке сделать культ народной святыни церковным тот прекращает свое существование. Но, с другой стороны, агиография великих православных святых Серафима Саровского, Александра Ошевенского, Антония Римлянина, Арсения Коневского и многих других показывает, что в их подвижнической жизни были периоды длительного отшельничества, во время которых едва ли не центральными предметами культа были именно природные валуны, деревья, родники.

Очень показательным в этом отношении является судьба камня Серафима Саровского (ил. 1). Подлинный камень Серафима до нашего времени не сохранился. Сам камень был разбит после смерти Серафима, и наиболее крупные куски его были перевезены в Дивеево. Мелкие куски были разобраны богомольцами. Использовались камни следующим образом: на них лили воду, когда она стекала с камня, её собирали и пили. От дерева, на котором когда-то стояла икона, паломники стали отщипывать кусочки, из-за чего дерево засохло. Это дерево (сосна) стояло с западной стороны от камня. Некоторые паломники выкапывали вблизи «серафимовых пустынок» молодые сосенки,

Ил. 1. Икона «Серафим Саровский в молении на камне»

желая посадить их у своего дома в память о совершённом паломничестве. В 1890 г., когда места паломничества приводились в порядок, на старое место камня был положен другой, похожий на оригинал⁴.

Интересное явление произошло после того, как в 1948 г. периметр вокруг ядерного центра Саров был обнесён колючей проволокой, и места прежнего поклонения стали недоступны для паломников. Слава знаменитого камня Серафима Саровского как бы сама собой перешла к камням «Большой медведь» и «Малый медведь», лежащим в лесах у посёлка Лесозавод. До того, как была открыта церковь в Дивееве, сотни людей приходили поклониться этим камням — поклониться именно Серафиму Саровскому, с которым народная молва их связала.

Исследования данного культурного феномена выявили аналогичные примеры взаимодействия православных подвижников с природными объектами, которые позднее стали почитаемыми и в истории Ростово-Ярославской земли. В данном случае речь идет о местночтимом угличском святом Кассиане Учемском, благочестивом крестьянине и христианском подвижнике Киприане Бовине, преподобномученике и чудотворце Адриане Пошехонском, святом Варлааме Улейминском, Сильвестре Обнорском, блаженной старице Ксении (Карсавиной) и многих других. Известный уроженец Рыбинска св. Серафим Вырицкий после принятия схимы в течение 10 лет также молился в своём саду на большом плоском камне (ил. 2).

Киприан Бовин. «Тихонова пустынь» находилась в 3 км к северу от деревни Березино (Большесельский МО) и в 5 км на С-В от с. Никольского, что на р. Молокше. Известно, что в конце XVII в. благочестивый крестьянин Николо-Молокшинского прихода Киприан Бовин искал грибы в лесу и, подойдя к давно известному Большому камню, лежащему недалеко от д. Березино, увидел на нем икону с изображением семи ликов угодников божьих. Позднее выяснилось, что среди ликов в центре был лик св. Тихона Амафунтского. Икона была перенесена в д. Починок,

Ил. 2 Икона «Серафим Вырицкий в молитве на камне»

в дом Киприана, и долгое время находилась там, пока шел спор двух причтов — Васильевского на р. Юхоти и Никольского на р. Молокше - о том, в каком храме должна находиться икона. В конечном итоге было решено поместить икону в Николомолокшинский храм, а на месте обретения, непосредственно рядом с камнем, была устроена деревянная часовня⁵. В этой часовне-келье, срубленной без использования мха и без пола, поселился «для молитвенного подвига» нашедший икону крестьянин Киприан Бовин. Время пустынножительства Киприана ограничивается 1810—1838 гг. Место обретения иконы подвижник обустроил особым образом. Вокруг кельи и камня в форме правильного продолговатого прямоугольника, было высажено около 40 берез. Эта рукотворная, живая «в 140 шагов кругом» ограда была строго ориентирована с востока на запад. У самого камня Киприан посадил дикую розу (шиповник?) и обустроил два колодца. На камне им же были высечены пять изображений крестов: три креста на «сголовье» камня и ещё два - на противоположной стороне, в т.н. «ложе» камня⁶. Крестные ходы проводились от Николомолокшинского храма до камня при большом стечении народа до 1831 г.

В 1883 г. «Тихонову пустынь» посетил протоирей К. М. Ярославский. Он оставил документальное свидетельство: «... при выходе из кельи, в правой стороне от неё, почти прямо от входа, бросается в глаза громадный камень-дресвяник, имеющий около 4-х аршин длины, 3-х ширины и 2-х вышины»⁷. Старожилы рассказывали ему, что в старину на камень можно было подняться только по лестнице. Вся местность вокруг камня, обустроенная Киприаном, носила название «Тихонова пустынь».

Сейчас камень уже значительно врос в землю, но наземная высота фиксируется на уровне 177 см. Ширина «ложа» — 250 см, длина — 300 см. «Ложе камня» ориентировано на С-В, «сголовье» - на Ю-З (ил. 3). Высеченных крестов на поверхности обнаружить не удалось. На местности прослеживаются остатки колодцев. Несмотря на труднодоступность места видно, что оно активно посещается. На камне лежат мелкие монеты, бумажные иконки, бусы. На нижних ветвях сосны, растущей над камнем, привязаны ленты и платки. Весной 2009 г. на камне был обнаружен пасхальный кулич.

Известно, что осенью 2000 г. к Тихонову камню Управлением культуры Администрации ЯО была организована экспедиция. Около камня были произведены небольшие раскопки и обнаружены обгоревшие бревна — остатки бывшей

Ил. 3. Тихонов камень. Октябрь 2012 г. Фото автора

часовни, а также фрагменты керамики, которые позже специалисты ЯГПУ им. К. Д. Ушинского датировали XII в.⁸

Кассиан Учемский — угличский святой, грек из рода византийских императоров Комнинов⁹. В 1477 г. Кассиан с несколькими монахами на полуострове, образованном при впадении в Волгу небольшой речки Учемки, основывает Кассианово-Учемскую пустынь. Считается, что вечером 23 июня (ст. ст.) Кассиан со спутниками в 22 верстах ниже по течению от Углича и в 8 верстах выше по течению от Мышкина остановился на ночлег. Повесив на ель икону Божьей Матери и проведя всю ночь в молитве, на рассвете Кассиан увидел яркий свет, ниспадающий на него с неба, а в лучах света — образ святого Иоанна Предтечи. Во сне Иоанн Предтеча повелел поселиться в этом месте, где «... во имя Рождества моего поставишь здесь храм и после трудов твоих получишь вечный покой. Не уходи отсюда»¹⁰.

На месте явления Иоанна Предтечи Кассиан поставил деревянный крест и начал жить с двумя иноками. Позднее здесь был построен храм в честь Успения Божия Матери. При более детальном знакомстве с местными легендами и преданиями выяснилось, что в народной памяти, фигурирует некий большой «камень Кассиана», на который преподобный ходил молиться. Считается, что этот большой камень был «как трон»¹¹, т.е. скорее всего, имел некое подобие сидения или «ложа». Достоверно установить его место расположения не представляется возможным. В рассказах местных жителей, с одной стороны, фигурирует устье Учемки, т.е. именно то место, где Кассиану во сне явился Иоанн Предтеча, но также называется и некое болото в лесах¹². Однажды весной случился сильный разлив Волги. Вода затопила монастырь, разрушила деревянные строения, многие постройки пришли в негодность. При поддержке князя Андрея монастырь был восстановлен уже на новом, более возвышенном и безопасном месте. Святые мощи Кассиана погребены в том же монастыре. Информации о «камне Кассиана» — очень мало. Известно, что в 1936—1938 гг. в бывшем Учемском монастыре расположился Волголаг, специализировавшийся на строительстве Угличской ГЭС и дороги Углич-Рыбинск. В 1937 г. церковь Рождества Иоанна Предтечи была куплена Волголагом НКВД как строительный материал и взорвана. Кирпича оказалось недостаточно, большая его часть развалилась при взрыве. Тогда заключенным было велено разбирать вручную придел московских чудотворцев¹³. Нельзя исключить, что в этих же целях был использован и камень Кассиана. Интересно, что в окрестностях Учмы, в непосредственной близости от места первоначальной закладки монастыря Кассиана, был найден ещё один интересный камень, обладающий сразу несколькими признаками сакральности¹⁴.

Адриан Пошехонский. Известно, что когда преподобный Адриан желал предаться уединенной молитве, он удалялся из монастыря в чашу леса. С именем этого пошехонского чудотворца связано почитание сразу нескольких «особых» деревьев — дуба, берёзы и рябины — и двух святых источников, сведения о которых удаётся проследить в житийной и краеведческой литературе. Это дуб на берегу р. Вохти, на который Адриан с учеником Леонидом поставили

икону Богоматери. По преданию, икону попытались снять с дуба рыболовы с. Белого. Один из них хотел снять икону и унести домой, но упал без языка и движения. Придя в себя, объявил он, что явившийся старец строго запретил ему брать икону. Рыбаки оставили при дубе пойманную рыбу и белый хлеб¹⁵.

Сейчас в окрестностях с. Белое особо почитается святой родник Адриана Пошехонского, заново обустроенный и освященный несколько лет назад. О том, что источник обладает чудодейственной целительной силой, хорошо знали жители окрестных деревень. Из поколения в поколение передавалась легенда, что вода в этом роднике «живая», целебная. Неподалёку от источника стояла когда-то деревня Зайцево, которую называли деревней долгожителей, но в атеистическом XX в. широкая известность источника практически была утрачена. Хотя источник, с почерневшим и полусгнившим срубом над ним, был хорошо известен жителям соседних деревень Дубровино и Силюново. Считается, что на момент начала реконструкции источника ему было около 200 лет. Восстановление источника началось около десяти лет назад и связано с деятельностью жителя Пошехонья — А. В. Андреева. В настоящее время в лесу в 1,5 км от с. Белого вокруг источника оборудован целый комплекс, состоящий из часовни, нескольких купален, летней трапезной под навесом, зимней трапезной и других построек (ил. 4, 5).

Второе дерево — берёза, которая в конце XIX — начале XX вв. росла около деревни Ульяновской Пошехонского уезда, на месте захоронения ученика Адриана — Леонида. На её ветвях паломники оставляли «различные приношения»¹⁶. Жители деревень Никулинской и Ульяновской считали, что святое дерево помогло отыскать могилу Леонида, и благодаря этому пользовалась почитанием.

Третье дерево — рябина, росшая рядом с церковью во имя св. пророка Илии, расположенной на полуострове, образовавшемся при впадении в речку Ухру речки Ушлонки (Ушломы) неподалёку от с. Гужово (ныне Даниловский МО). В «Житии Преподобномученика Адриана Пошехонского...», составленном в 1626–1670 гг. сообщалось, что церковный дьяк с. Гужова Пошехонского уезда Иван Прокопиев «хождаше по вся лестах к Илье Пророку на пустоши

Ил. 4. Вход на территорию комплекса «Источник Адриана Пошехонского». Октябрь 2012 г. Фото автора

Ил. 5. Часовня на источнике Адриана Пошехонского. Октябрь 2012 г. Фото автора на реку Ухру, на устье реки Ушломы» к рябине на Ильинскую пятницу¹⁷. Сюда совершали шествия настоятели и прихожане окрестных церквей, служившие здесь молебны с иконой Параскевы Пятницы, приезжали «торговые и земские люди» из Ярославля, Костромы, Вологды, Романова и Пошехонья¹⁸. В этот день страдающие различными недугами совершали здесь следующий ритуал: «у рябины сквозе сучие пронимаху дети малыя и юноты, а инии людие и в совершенном возрасте пронимахуся»¹⁹.

Варлаам Улейминский. Интересная взаимосвязь со «святим» деревом прослеживается и в жизнеописании Варлаама Улейминского, которому было явление Николая Угодника. Он повелел купить на рынке свой образ, вернуться с иконой на Русь и поселиться там, где будет указано. Варлаам исполнил повеление. В мае 1460 г. он находился в Угличе, откуда направился в Ростов. Отойдя 12 км от Углича, оказался в лесу вблизи рек Улейма и Воржехоть. Почувствовав усталость, он сделал остановку, поставил икону между ветвей одной из сосен и уснул. Проснувшись, преподобный решил продолжить путь и несколько раз безуспешно пытался снять образ с дерева. Удивленный странник снова уснул, во сне ему явился Николай Угодник, который повелел поселиться на этом месте. Варлаам исполнил волю святителя²⁰. Крестьяне соседнего с. Дубровского и окрестных деревень вскоре узнали о подвижнике и чудотворной иконе, и стали приводить к образу на дереве больных, получавших исцеление. Вскоре для чудотворного образа была построена часовня у дороги в Ростов. Позднее на этом месте был построен Николо-Улейминский монастырь.

Сильвестр Обнорский. В с. Воскресенское на р. Обноре (Любимский МО)

располагалась некая берёзовая «заповедная роща», напрямую связанная с именем преподобного Сильвестра Обнорского, ученика Сергия Радонежского. Достоверно известно, что именно Сильвестр положил начало иноческих безмолвных уединённых подвигов среди монахов Троице-Сергиева монастыря. Пожелав обустроить собственную уединенную пустыню, он оказался на диких и заповедных берегах реки Обноры. Когда «пустыня» его разрослась, подвижник стал «оставлять иногда свою обитель и удаляться ... в дремучий лес», известный как «заповедная роща»²¹. Рубить деревья в ней запрещалось ещё при жизни Сильвестра, который лично обустроил здесь четыре колодца — три в центре, а четвертый на краю рощи. В 1764 г. «заповедная роща» упоминается как владение монастыря в ведомостях Воскресенской обители²². В середине XIX в. А. Крылов описывает как существующие реально и рощу и колодцы, три из которых пришли в запустение²³.

Хотелось бы отметить, что феномен русского народного православия является устойчивым объектом научного интереса. Трансформация народной религиозности в процессе духовных катаклизмов «безбожного» советского периода имела весьма неожиданный побочный эффект. В то время, когда вера и официальная деятельность Русской Православной Церкви подверглась контролю и диктату со стороны государства, в народной деревенской (сельской) среде происходит активное «возрождение» старых и даже «зарождение» новых традиций почитания природных объектов. Некоторые из них, как в случае источника Адриана Пошехонского у с. Белого, связывались с именами местночтимых святых и подвижников, хотя прямых оснований для этого нет. Данное явление ещё требует дальнейшего изучения.

**

¹ Олесницкий А. А. Мегалитические памятники Святой Земли // Православный Палестинский сборник. СПб., 1895. Вып. 41; Платонов Е. В. Почитаемые и легендарные камни в восточно-христианской традиции. Электронный ресурс: <http://www.countrysite.spb.ru/Library/Palestina.htm>.

² Титов А. А. Ростовский уезд Ярославской губернии. Историко-археологическое и статистическое описание с рисунками и картой уезда. М., 1885. С. 238, 243–244.

³ Панченко А. А. Деревенские святыни Северо-Запада России. Исследования в области народного православия. СПб., 1998.

⁴ Камень Серафима Саровского. Электронный ресурс: http://serafimov.narod.ru/bibl/sar/sar6_.html.

⁵ Ярославский К. М. Церковь Николая на Молошке. Углич, 2001. С. 29–32. Ранее труд К. Ярославского отдельной книгой не издавался. Работа печаталась в ЯЕВ, ч. неофиц.: № 41, 42–49, 52 за 1887 г. и № 1, 2, 6 за 1888 г.

⁶ Там же. С. 31.

⁷ Там же. С. 32.

⁸ Информацию о проведенной археологической разведке и о датировке керамики см.: Земцева Т. Культурные камни как памятники природы и культуры // Летопись ярославских сёл и деревень. Ярославль, 2004. С. 208–210.

⁹ Троицкий И. О монастырях и пустынях упраздненных // Титов А. А. Рукописи славянская и русская, принадлежащая И. А. Вахрамееву. М., 1906, Т. 5. № 1110. С. 325; Соколов Д. Ученская Кассианова мужская пустыня // ЯЕВ. 1861. Ч. неофиц. С. 275–281; Виденеева А. Е. Ученская Кассианова пустынь в XVIII веке // Ученский сборник. Мышкин, 1998. С. 25–47.

- ¹⁰ Титов А. А. Учемская Кассианова пустынь // ИВ. 1895. Август. С. 392–410; Карсаков О. Б. Настоятели Учемского монастыря XV–XVIII вв. // Васильевский П. В. Преподобный Кассиан Грек Угличский чудотворец и основанная им Учемская пустынь. Мышкин, 1997. С. 42–52;
- ¹¹ Со слов жителя с. Учма В. Г. Смирнова— лесника, краеведа, основателя «Музея Учемского края».
- ¹² По сведениям В. Г. Смирнова.
- ¹³ История Учемских храмов. Разрушение. Электронный ресурс: http://www.uchma.info/main.asp?dir=02_church\03_20.
- ¹⁴ Ерохин В. И., Курдюков Ю. В., Чернецова С. Б. Новые данные о культовых камнях Ярославского Поволжья // ИКРЗ. 2011. Ростов, 2012.
- ¹⁵ Толстой М. В. Жизнеописание угодников Божиих, живших в пределах нынешней Ярославской епархии. Ярославль, 1885.
- ¹⁶ Тихомиров И. А. Пешком по Ярославской губернии. М., 1914. С. 329.
- ¹⁷ Житие и страдание святого преподобномученика Адриана, игумена, пошехонского чудотворца. Пошехонье, 1894. С. 15; Житие и страдание святого преподобномученика Адриана игумена, Пошехонского чудотворца // ЯЕВ. 1873. Ч. неофиц. № 4. С. 25–31; № 5. С. 33–42; № 8. С. 55–61; № 9. С. 63–70; № 10. С. 71–78.
- ¹⁸ Киселев А. В. Почитание деревенских святынь в народной культуре (по материалам северных уездов Ярославской губернии XIX — начала XX века) // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. Вологда, 2007. С. 546–553.
- ¹⁹ Житие и страдание святого преподобномученика Адриана, игумена... С.16.
- ²⁰ Угличский летописец // Труды Ярославской губернской ученой археографической комиссии. М., 1890. Вып. 1. С. 89–135; Ярославль, 1996; Прп. Варлаам, основатель Угличского Николо-Улейминского мон-ря, и принесенный им из Бара-града образ святителя Николая // ЯЕВ. Ч. неофиц. 1893. № 40. С. 626–633; АСЭИ. 1964. Т. 3. № 79. С. 112; АРГ. 1505–1526 гг. М., 1975. № 7. С. 14–16.
- ²¹ ЯЕВ. 1861. № 22. С. 214.
- ²² Там же. № 23. С. 222.
- ²³ Крылов А. Церковь села Воскресенского на Обноре. Там же. С. 225.